

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**

25

Москва • 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакколлегия:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. — 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists — specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>о-</i> и <i>и-</i> основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах.....	5
<i>Сладжана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>С. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>А. В. Мальшева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>М. Н. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>Т. В. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>А. Б. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в севернорусских говорах	326
<i>Д. Н. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

А. Ф. Журавлёв
(Москва)

Лексикографические фантомы 15. СРНГ, Т

Предлагаемые заметки о сомнительных, с точки зрения автора, формах и формальных и содержательных оплошностях в Словаре русских народных говоров являются продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорён характер наблюдений и выдвигаемых прочтений [Журавлёв 1995–2023].

Ключевые слова: Словарь русских народных говоров, диалектная лексикография, гапакс

Предлагаемые заметки касаются неверных или вызывающих сомнение заголовочных форм (большей частью гапаксов) в сводном диалектном словаре русского языка и являются продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорён характер наблюдений и выдвигаемых прочтений (см. [Журавлёв 1995–2023]). Кроме названных формальных моментов, замечания могут касаться содержательной стороны привлекаемого материала и его словарного анализа, а также уязвимых сторон применяемой в словаре собственно лексикографической техники.

* * *

1. Таба́к {...}. 1. Легчайший табак. Сорт табака для курения [какой?]. *Легчайший табак — курить хорошо, навродь как папиросы* {...} [СРНГ 43: 197].

Очень сомнительно, что в записанной реплике сочетание *легчайший табак* представляет собою коммерческое именование продукта, как к тому подталкивает толкование («сорт... какой?»), а не просто оценочное суждение.

1. Таба́к {...}. 8. Прозвище. {...} [СРНГ 43: 198].

Составители словаря технически не разграничивают лексическое значение, с одной стороны, и принадлежность описываемой языковой еди-

ницы тому или иному классу именований, с другой (заголовочное слово не несёт значение 'прозвище', а принадлежит разряду прозвищ как разновидности собственных имён). Ошибка вытекает из нечёткости оформительских приёмов в комментируемом лексиконе, заданных с самого его начала, и обнаруживается в издании с жестокой регулярностью (о чём уже не раз говорилось). Для академической лексикографии такое смешение объектов (категориальной и собственно содержательной сторон языкового знака) нельзя признать допустимым. Между тем устранить указанный недостаток не представляется сколько-нибудь трудной задачей: вместо графической формулы вроде «м. и ж. Прозвище.» можно применить запись «м. и ж.; *прозвище.*», переключив тем самым последнее в ней слово из зоны толкования в зону рубрикационных помет (набираемых назначенным для них курсивом). Для нередко встречающихся развёрнутых конструкций вроде «прозвище жителей Заонежья» или «кличка казаков Аннинской станицы», совмещающих собственно значение знака и его проприальную квалификацию, можно использовать ту же толковательную технику, но снабдив термин «прозвище» определением «коллективное» («общее», «корпоративное»...): **Толокня́тники, мн., коллективное прозвище.** Жители Каргопольского уезда Олонецкой губернии» (предложно-падежная конструкция «О жителях...» и под., часто используемая в толковательной зоне, менее корректна, поскольку предлог *о(б)* также принадлежит метаязыку описания). Далее в анализируемом выпуске (как и в предыдущих и следующих) псевдотолкованием «прозвище» сопровождаются заголовки нескольких десятков статей (**2. Табакерка...**, **Таборь**, **Таврежаны**, **Тавруй** и т. д.), указывать здесь на них каждый раз отдельно было бы чрезмерностью, и я ограничусь лишь настоящим замечанием.

Табáка, ж. 1. Табак. {...} [СРНГ 43: 198].

Формы женского рода, якобы почерпнутой из словаря Даля, в упомянутом источнике нет. В качестве таковой осмыслена приведённая в [Даль, IV: 706] форма винительного падежа множественного числа *табáки* (определение грамматического рода затруднительно) в рифмованном бранном речении раскольников «*Кто нюхает табак, тот хуже собаки*». (Форма женского рода *табáка* в восточнославянских языках, тем не менее, реальна и своим существованием обязана польскому влиянию: *tabaka* 'нюхательный табак', диал. *tobaka*, см. [Karłowicz V: 406; Warsz. VII: 72]).

Тавáлженный {...}. Таволжанный. {...} [СРНГ 43: 208].

Форма в иллюстрации (былинный текст) отлична от заголовочной: *Они секли как по жребию тавóлженому*. Чему верить? Двумя страницами спустя есть статья **Тавóлженный** (с примером: *Мы сделаем жребьи таволжены*).

2. Táвочка {...}. Маленькая собачка. *Маленькая тавочка до веку щеночек*. Бобр. Ворон., 1848 [СРНГ 43: 210].

Надо полагать, прочтение ручной записи ошибочно; нужно: *шавочка*. Смешение рукописных строчных букв *т* и *ш* — по моим оценкам, самый частый из сбоев восприятия, преследующих диалектную лексикографию, СРНГ в частности¹.

Таврэный {...}. Имеющий шрам. {...} Забайкалье, 1980 [СРНГ 43: 211].

Заголовочная форма, скопированная из словаря Л. Е. Элиасова, недостаточно надёжна; органичнее всё же *таврёный*.

Тáетница, ж. Молодая, ни разу не телившаяся корова. *Нетель, таетница, годовушка телится*. Мясин. Волог., 1938 [СРНГ 43: 216].

Фонетическое сходство с коми *тайтõ* подзыв коровы, также ‘бурёнка’, ввиду отдалённости регистрации от коми территорий, вероятно, случайно. Не увидать ли здесь привычного смешения рукописных строчных букв *м* и *т* — **таемница* (ср. очень далёкое территориально, у казаков

¹ О взаимной мене литер *т* и *ш* в заголовках статей СРНГ и текстуальных иллюстрациях, которая принадлежит к самым частым сбоям в прочтении рукописных источников, говорилось не раз (см. предыдущие публикации настоящей серии, критические наблюдения А. Е. Аникина, А. Б. Страхова и др.). Но из-за рассыпанности примеров по разным местам кажется нелишним показать эту устойчивую мену сводным списком, пусть окороченным: о ш и б о ч н ы е написания *ветно, вырутить, дотлый, кукта, мохнытка, набалмать, окаятка, плитка, побывовтки, поголётки, потава, потавни, разлукутка, ручутка, стаметник, верешёна, заболошиный, кочешок, кулиух, навишни, отпешить, переишишье, пошка, раздикрешить, разноцвешка, разушкой, росшемаха, шугун* и др. вместо п р а в и л ь н ы х форм — соответственно — *вешно, выраушить, дошлый, кукиа, мохнышка, набалмашь, окаяшка, плишка, побывашки, поголётки, пошава, пошевни, разлукушка, ручушка, станишник, веретёна, заболотный, кочеток, кулук, навитни (навитень), отпетить, перетишье, потка, раздекретить, разноцветка, разуткой, ростомеха, тузун* и др. В настоящей статье ниже к этим примерам на смешение *т* и *ш* добавлено ещё несколько. Положение с чтением источников составителями СРНГ не выглядит благополучным.

Прииссыккуля, но семантически близкое *та́им* ‘годовалый жеребёнок’ [СРНГ 43: 218]) или, может быть, **маетница*, ср. *маяться* ‘бездельничать’? Однако синтаксическое построение, пунктуация, а вслед за ними и целостное содержание цитированного высказывания остаются затемнёнными; последняя двусловная фраза может быть понята как ‘корова по второму году, пора уже выбираться из нетелей’.

Таква́ч, м. Тыква. Дон., 1929 [СРНГ 43: 227].

Вокализм корня несколько сомнителен: ср. *тыква́ч* ‘тыква’ (Дон., 1929 — [СРНГ 45: 320]). Обе формы взяты из лексикона [Миртов: 319, 330], но другими источниками, прежде всего внимательным к деталям словарём [Борисова 2004–2005], форма *таквач* не подтверждена. Возможно, она отражает сильную редукцию [ы] > [ь] в предударном слоге, свойственную идиолектной манере.

Тали́скасть {...}. Мять. Шадр. Перм., 1895 [СРНГ 43: 245].

Единичное свидетельство против нескольких десятков разноместных запечатлений формы *тили́скасть(ся)* [СРНГ 44: 122]. Возможно, ошибочное прочтение небрежного рукописного начертания.

Тальга́, ж. Клеймо. Арх., 1850 [СРНГ 43: 250].

Могут ли быть сомнения в том, что заголовочная форма — результат девиантного чтения слова *тамга*?

Тара́нт, м. Ядовитый жук, тарантул. {...} [СРНГ 43: 277].

Можно осторожно предположить, что своё дело сделали неразборчивый почерк картотечного регистратора или составителя статьи и недостаточная для нужного прочтения осведомлённость машинистки в зоологических классификациях: графическая форма *таук* воспринята как *жук*.

Тарбагáн, м. Сурок [?]. {...} [СРНГ 43: 285].

Возможно, опечатка или неверное прочтение ручной записи. Привычнее *тарбага́н*. Сомнение самого составителя статьи, выраженное вопросительным знаком, касается лишь значения слова, но не его формального облика.

Тарсха́н, м. Таракан. В старом доме было много тарсханов. Ярослав., 1990 [СРНГ 43: 285].

Заголовочная форма крайне маловероятна. Ошибочное прочтение **-ак-** → **-сх-**?

Таска́ть {...} [СРНГ 43: 297–298].

Размещённое в конце статьи «фразеологическое сочетание» **Зубы таскать** ‘зубоскалить, смеяться’ вызывает сомнение в силу алогичности его внутренней формы. Оно сопровождается текстуальной иллюстрацией (*Начнем робить,*) *нечего зубы таскать*, за которой, однако, может скрываться более органичная конструкция **нечего зубы-то скалить* с вполне представимой сильной редукцией последнего (последударного) слога в последнем слове (: [ска́л’т’]).

Тасля, м. Сорт винограда. *Тасля белый*. Южн. [?], Слов. карт. ИРЯЗ. [СРНГ 43: 301].

Несомненно, имеется в виду виноградный сорт *шасла́* (название которого заимствовано из французского — *chasselas* — и, по моим наблюдениям, сильно страдает в приспособительной фонетической обкатке, включая и акцентологический момент). Комментируемая форма обязана смещению рукописных **ш** и **т** в мало знакомой составителям словаря лексике. Мужской род слова в приведённой иллюстрации не должен смущать: эта сторона записи может быть объяснена цитированием номенклатурного текста (что оправдывает и постпозицию прилагательного, характерную для двусловных номенов). Плохая освоенность слова *шасла́*, кроме колеблющихся фонетики и акцентовки (ср. нередкое *шашла́*; слышалось и *шáшла*), сказывается в неустойчивости его парадигматических форм и грамматического рода определяющих его прилагательных: в пределах одного текста и едва ли не абзаца могут встречаться конструкции «плоды *Шасла Белой*» и «разновидность *Шаслы*» (например: <http://lozavrn.ru/index.php?topic=286.0>).

Та-та, звукоподр., междом. {...} *А та-ти, та-ти, та-та, Поймал де-душка кота* (частушка). {...} [СРНГ 43: 302].

Та-ти, звукоподр., междом. {...} (с тем же текстуальным примером). [СРНГ 43: 309].

Уклонение от проставления акцента в вокабулах не заслуживает оправдания ввиду прозрачной ритмичности иллюстрирующего текста с рифмой. Мелочь; однако для академического словарного издания нежелательная.

Татáрка {...} [СРНГ 43: 304–305].

В п. 5 опечатка: «мезовым» вместо «меховым».

В п. 18 ошибка или опечатка: «тарник» вместо «татарник».

Мелочи; однако для академического словарного издания нежелательные.

Тать, м. (мн. тáти и тáтьи). Злодей, вор, грабитель, мошенник, плут. {...} [СРНГ 43: 311].

Формальные, в частности акцентологические (в парадигматических формах множественного числа), сведения о слове неполны. В текстуальных иллюстрациях, сопровождающих статью, встречается поговорка из коллекции Даля, в которой слово *тать*, кажется, уклоняется от акцентного рисунка, рекомендованного ему, например, Грамматическим словарём [Зализняк: 679]: «мо 2а» — то есть с постоянным ударением на корневом слоге в косвенных падежах: *Ладан на чертей, тюрьма на татей* (отказаться увидеть в поговорочном тексте рифму довольно трудно, хотя его ритмическое построение это допускает). От словесной живописи в забайкальском словаре [Элиасов], к которому прибегли составители СРНГ для демонстрации семантики собирательности у слова *тать*, сдвинутого в парадигму женского рода, за версту несёт неталантливой фальсификацией (*До последних сил будем бороться с татью; ...откуда только столько тати расплодилось*), как и вообще от всех элиасовских «речевых картинок», кроме разве что песенных цитат.

Таушкáн, м. Заяц. Тобол., 1897 [СРНГ 43: 313].

Ввиду диал. *ушкáн* ‘заяц’ (около четырёх десятков регистраций) и восьми суффиксальных производных от него (см. в [СРНГ 49: 12–13])² можно осторожно предположить, что заголовочная форма представляет собою результат паразитического слияния в записи лексемы *ушкан* с обрывком предшествующего слова или какою-то теперь уже не восстановимой местоименной формой. Однако фонетическая близость обсуждаемой формы к основе *тушкáн*(-) может подвигать к иным истолкованиям, которые, впрочем, затрудняются необходимостью выяснить причины вокалического усложнения — едва ли не дифтонгизации! — начального слога (*y : ay*). (А. Е. Аникин предполагает, что форма *ушкан* может быть

² СРНГ представляет слово *ушкáн* ‘заяц’ почти исключительно северновеликорусским и зауральским, тогда как оно известно и вдали от этих территорий, например, на крайнем юго-западе — в брянских говорах, см. [Брянский словарь: 335].

народноэтимологическим преобразованием *тушкан* в связи со словом *ухо*; см. [Аникин 2000: 598].) Как бы то ни было, затемнённость случая вынуждает отметить его в настоящем обзоре.

Та́шки, *мн.* Цыплята. Бурмакин. Ярослав., 1990 [СРНГ 43: 317].

По-видимому, это слово *пташки* в вялой (и даже не очень вялой!) артикуляции. После паузы, какой бы короткой она ни была, в этом слове начальное тесное слияние смычных [п̣т̣] перед гласным может практически терять билабиальный элемент (он поглощается в неслышном размыкании губ). Вряд ли обсуждаемая форма лексикализована, чем единственно и можно было бы оправдывать отдельный её словарный показ. Аналогичные замечания нужно сделать относительно статей **Тица**, **2. Тичка**, **Тушанёнок** комментируемого лексикона. Но уже формы *тёушка* ‘маленькая птичка, пичужка’, ‘курица’ («ласк.»), *тёушенька* ‘курочка’, ‘цыплёнок’ [СРНГ 46: 50–51], имеющие ту же этимологическую базу, могут рассматриваться как результаты лексикализации, хотя это суждение основывается на малонадёжной интуиции: информанта, от которого услышана и записана та или иная из этих форм, не спросишь, ясна ли ему её этимология.

Тбыть {...}. Своего разума не тбуду. Своего разума не потеряю. {...} *А тым я глупа не буду. Своего разума не тбуду!* Смол., Добровольский, 1891 [СРНГ 43: 317].

Если мы не сталкиваемся с фонетической мнимостью (просто плохо расслышанным словом, что, впрочем, маловероятно: в тексте ощущается несколько сбитый хореический ритм), то здесь присутствует глагольная форма, которая характеризуется элизией начального гласного, носящей собственно речевой характер и не приводящей к лексикализации заголовочной формы (что единственно оправдывало бы создание самой статьи). Подобные явления могут представлять интерес для описания идиолекта и даже узкого говора, если обнаруживаются в нём с некоторой регулярностью. Однако рассматриваемый случай интересен для диалектного словаря не фонетической стороной, а скорее семантическим устройством фразеологизма *(о)тбыть разум (не (о)тбыть разума)* ‘(не) утратить рассудок’ (непосредственно в таком облике в СРНГ не отмеченного, см. **Отбывать** [24: 125]).

Твёрденький {...}. 1. О плотно сложенной ткани, платке и т. п. *У ей вот такой вот обломок там (в глазу). Я его вытащила твердоньким*

платком {...}. 2. Скупой. *Тверденький парень, не в отца* {...} [СРНГ 43: 321].

(i) Составительский недосмотр: заголовочное прилагательное в первом и втором значениях иллюстрируется фонетически различными формами (*твердо́ньк*... : *тверде́ньк*...).

(ii) Заслуживает осуждения принятая в СРНГ манера в текстуальных примерах изгонять, укорачивая русский алфавит, букву *ѣ* — даже из тех записей, где её присутствие вызвано аккуратностью регистратора. Я думаю, что, имея дело с разнокачественными в этом отношении источниками (как печатные, так и рукописные словари, диалектологические материалы, фольклорные тексты и проч.), составителям СРНГ следовало принять за правило сохранять графику оригинальных записей: стремясь к единообразию, создатели словаря всё равно от него постоянно уклоняются, чему свидетельство как раз комментируемая статья. Ранее не раз было показано, что эта практикуемая в СРНГ у н и ф и ц и р у ю щ а я манера приводит к двусмысленным прочтениям текстуальных иллюстраций и тем обедняет информативность диалектного словаря, назначенного, в отличие от нормативных лексиконов, не погашать, а как раз в ы я в л я т ь р а з н и ц у. Печально, но приходится констатировать, что составители СРНГ с удивительной превратностью понимают задачи своего словаря и сущность своих профессиональных занятий.

Тверши́на, ж. [Знач.?] *Наша твершина беда какая (работать в поле на уборке хлеба)*. Твер. Твер. Чернышов [sic], 1910 [СРНГ 43: 325].

Есть ли сомнения в том, что неуловленное составителем статьи значение слова (*наша*) *твершина* вытекает из имени места, где оно записано («Твер. Твер.»): *‘(мы), тверяки’ (*собирает*).?

Творо́жина, ж. Бранное слово. *Эх ты, творожина!* Север, 1872 [СРНГ 43: 331].

(i) Выглядит чуть изменённым повторением статьи «**Тваро́жина**, ж. Бранное слово. *Эх ты, тварожина!* Олон., Барсов» из этого же выпуска СРНГ [43: 320]. Какая версия точнее?³

³ Интересно, что испорченную форму *тваргожі́на* (взятую из словаря [Куликовский: 118], где она прямо соотнесена с каргопольской формой Барсова) Фасмер ([IV: 31]) оставил без упоминания каких-либо её связей с другой лексикой и нашёл «тёмным словом». Слово *тваргожина* можно попытаться объяснить редким случаем па-

(ii) Приходится вновь заметить: составители словаря не разграничивают лексическое значение и принадлежность описываемой языковой единицы к тому или иному классу именований: заголовочное слово не несёт значение ‘бранное слово’, а принадлежит разряду бранных слов как прагматической разновидности лексики. Выход технически прост: вместо «ж. Бранное слово.» следует «ж.; *бранное слово.*».

Тебенёк, м. 1. {...} 2. {...} [СРНГ 43: 333].

Заголовок ориентирован на буквенное отражение лексемы во втором издании словаря Даля ([Даль₂ 4: 395]), в фонетическом отношении двусмысленное. В бодуэновском издании — *тебенёкъ* (без избыточно пунктуальной простановки ударения) [Даль₃ 4: 737]; словарь [ССРЛЯ 15: 188], на который содержится ссылка в комментируемой статье, форму *тебенёк* сопровождает аккуратным указанием парадигматической формы «(-)нѣ́ка». Допущенной в СРНГ заголовочной неточности (а на самом деле навязываемого прочтения [-н’эк], с которым входят в противоречие текстуальные иллюстрации в пункте «2.»: *тебенёков*, *тебенёвки*) вполне можно было избежать. Мелочь, конечно, но для академического лексикографического издания досадная.

Тей, тѣя, тѣ́е, мн. тѣи, *указат.местоим.* Тот. {...} [СРНГ 43: 337].

Диалектологам хорошо известно, что парадигматика местоимений в говорах не собирается в единую и непротиворечивую систему. Составитель комментируемой статьи предложил диагностичный перечень форм толкуемого местоимения: три формы рода единственного числа (одна из которых с двумя акцентными вариантами) и форму множественного, все — в именительном, разумеется, падеже. Из них лишь две отражены в сопровождающих толкование текстуальных примерах — форма мужского рода единственного числа и форма множественного. Для прописанных форм **тея* и **тее* иллюстраций в распоряжении составителя не нашлось (поэтому здесь их — как гипотетические — приходится помечать астерисками; неакцентованная форма *тее* в олонекском былинном тексте принадлежит винительному падежу, в принципе совпадающему с

разлитического умножения этимологического *g* в словообразовательной конструкции **ivar-og- + -ina*. Ложноэтимологические ассоциации труднодоказуемы, но в осмысление устройства бранного слова, внося помехи в его формальный облик, могли вплестись связи с лексемами *твой*, *рожа*, может быть, *(не)гожий* и даже *варганить* (с его ощутимыми отрицательными коннотациями).

формой именительного, в призаголовочном списке форм, однако, не отражённого). Эти две не снабжённые примерами реконструкции мне представляются не невозможными вовсе, но очень сомнительными. Вопрос в том, стоило ли прибегать к парадигмальным гипотезам, если сведения названного свойства инструкциями к словарю (в вып. 1 и 28) не предписаны в сколько-нибудь требовательном ключе. Для сравнения: в 44-м выпуске СРНГ определительная часть словарной статьи, посвящённой синонимичному местоимению *той* («Тот, вот тот») и написанной другим автором, никаких сведений о парадигматических формах, кроме заголовочной, не даёт.

Телешёк и телёшек, *м.* Теленок. {...} [СРНГ 44: 8].

Первая из помещённых в заголовок статьи форм материалом статьи не подтверждается. Вероятно, опечатка — вместо *телёшек*, одного из производительных вариантов, показанных в основном тексте статьи.

Телі́, *мн.* Телята. *Потом прибавили колхозу быков, телей.* Любыт. Новг., 1968 [СРНГ 44: 9].

Ещё один повод упрекнуть составителей комментируемого словаря в непродуманности назначенных правил — взятых в арсенал, но не оцениваемых далее на эффективность. К сопоставлению с данными обсуждаемой словарной статьи можно привлечь названия детёнышей свиньи: плюральная форма *поросята* соотносится с сингулятивом *порося*, одна из иллюстраций в статье о котором содержит падежно-числовую форму *поросей* (см. [СРНГ 30: 80]). Последняя не акцентована, как и форма *телей* в комментируемой статье. Интуиция толкает к мысли о реальности в них нафлексиионного ударения: **поросей*, **телей*. Я не стану утверждать, что форма, ставшая заголовком статьи, нереальна, но её подтверждений в словаре не обнаруживается, и форма **тели́* скорее выглядит умозрительным составительским конструктором. В более широком плане упрёк составителям СРНГ состоит в том, что они часто не принимают во внимание возможность лакун в лексических парадигмах — не в ограниченном полевого материала, свидетельствуемом записями, а вообще в языке.

Телосложёние {...} [СРНГ 44: 13].

Странный аграмматизм реконструированного предложения «На телосложёние (ье) кто-л. баско», помещённого сразу же после статейного заголовка, текстуальным примером (*А ты, Люба, на тело, телосложенье*

баско) не диктуется. Иллюстрация скорее представляет собою две фразы, первая из которых оборвана, не завершившись сказуемым: третью запятую разумно было заменить многоточием.

1. Тень, ж. 1. В сочетаниях. За тнѣм сидеть. В тени сидеть. *Посидим за тнем.* {...} Тень-потетѣнь. См. потетѣнь. {...} [СРНГ 44: 41].

(i) Как парадигматическая форма *тнѣм* соотносится с родовой аттестацией «ж.»? Явная ошибка.

(ii) На чём основана уверенность составителя статьи, что форма в детских потешках (-)*потетѣнь* этимологически связана с названием ‘тени’ (1.), а не звукоизобразительна по своей природе? Ср., например, *теньтень* ‘звон колокольчика’, по Далю, также *трень-брень*, *трынь-брынь*, а дальше, специально к затронутому случаю на *по-*, фольклорные и псевдофольклорные *стук-постук*, *тресь-потресь*, *шлѣп-пошлѣп*. Для «звукоподр. междом.» на той же странице выделена отдельная статья «4. Тень, междом.».

Тепложѣт, м. Теплая одежда или обувь. Свердл., 1965 [СРНГ 44: 55].

Справка в издании [Словарь Среднего Урала VI : 92] не оставляет ни малейшего сомнения, что в виду имеется многократно встречающееся слово *тепломѣт* ‘зимнее пальто, часто сильно расклешѣнное, на меху; то же, что *дипломат*’, семантика которого, однако, в разбираемом словаре обеднена (неопределѣнная «тѣплая одежда») и зачем-то одновременно обогащена («или обувь»). Интересно, как самим составителем статьи осмыслена внутренняя форма слова, якобы возникшая из соединения идей «тѣплый, тепло» и «жать, сжимать».

Терлѣнье, ср. Терпение, выносливость. Соликам. Перм., 1898 [СРНГ 44: 76].

По-видимому, результат торопливой записи или неверного прочтения слова *терпленье*, см. «Терплѣние, ъе» [СРНГ 44: 82]. Принятие за л буквы *п* (= [п’] без эпентезы) менее вероятно.

Тѣг, ж. Тетушка, тетя. Орл., 1850. Вят. [СРНГ 44: 99].

Не отмечена более чем вероятная вокативная (а не собственно номинативная) природа формы. Вопрос теоретический: обладают ли звательные формы грамматическим родом («ж.»)? По-видимому, нет, поскольку род — категория согласовательная, вокатив же, даже если обликом совпа-

дает с номинативом, внесинтаксичен (сочетания вокативов с адъективами — *Милая тётя!*, *Дорогой дядя Петя!* — носят очевидно вторичный, контаминативный характер).

Тётя, *жс.* (*мн.* тёт⁴ты). 1. Сестра отца или матери по отношению к племянникам, тетя. {...} 2. В обращении к незнакомой женщине. {...} [СРНГ 44: 99].

(i) (В продолжение придилок к лексикографической технике, применяемой в издании, вновь стоит отметить, что «в обращении к...» — это не семантика лексического знака, а прагматические условия его использования, для указаний на что в устройстве словарной статьи предусмотрено собственное место.) Большое сомнение вызывает возможность употребления *мнж. тёт⁴ы* в функции вокатива (пункт «2.»); помету «*мн.*», на мой взгляд, следовало разместить не перед всем толковательным материалом, а лишь в статейной зоне после цифры «1.», где она оправдывается приводимыми контекстами.

(ii) В пункте «2.» из семи текстуальных примеров, назначенных подтвердить характеристику адресата («незнакомая женщина»), ей соответствует лишь один, да и то не явным образом (*Продай, тета, мальчика.*). Остальные тексты — вызывающе свойские, до фамильярности (*Тета, свари кашу има; Тета Дуня, а где телок-то?*).

Тех, *постпозитивная частица*. Употребляется для подчеркивания и выделения слова во *мн. ч.*, к которому относится. *Хватает робятишек-тех.* Терск. Мурман., 1979 [СРНГ 44: 108].

(i) Диалектная партикула *-тех* — по-видимому, из немногих постпозитивных частиц в их разбалансированной совокупности (о «системе» говорить затруднительно), если не единственная, которая сохраняет чёткую соотносительность с падежной формой подчиняющего имени (примеров, впрочем, мало). Ср. иную картину с постпозитивными частицами *-от* (*ночь-от!*), *-те* (*за барышами-те!*), *-ти* (*сено-ти, людей-ти!*⁴), *-ту* (*с таким-ту характером!*), *-ты* (*ложку-ты!*) и проч., отражаемую в рассматриваемом словаре [СРНГ 24: 109; 43: 332; 44: 115; 45: 204, 316]. Ввиду таких обстоятельств ограничительное указание «во *мн. ч.*», предложенное

⁴ Трудно не поделиться восхищением, которое вызывает ростово-ярославская запись (несущая откровенную «металингвистическую» самоиронию): *У нас-ти в Ростове-ти луку-ти, чесноку-ти, а навоз-ти все коневий!*

в комментируемой статье, видится недостаточным: следовало расширить его указанием «в род(ительном) (или винит(ельном)?) п(адеже)».

(ii) Вновь следует оговорить принадлежность послезаголовочной объяснительной формулы «Употребляется ... относится» к грамматическим сведениям, которые в статьях желательно размещать «в подборку» с частеречной квалификацией и тем же курсивным набором (что отделило бы их от собственно толкования). В конкретном рассматриваемом случае набираемого прямым шрифтом толкования («перевода»), впрочем, и не должно быть: у частиц нет лексического значения.

Тёчка, *ж.* Тетушка, тетя. Кинеш. Костром., 1846. *С этого мопеда (когда его украли) и тецки приступ был.* Тихв. Ленингр. [СРНГ 44: 109].

Графика не отражает реальной, скорее всего, палатализованности дорсальной аффрикаты, здесь переданной буквою **ц**, перед мягким согласным [к'] (-*цки*). Вопрос ещё и в том, каков характер звука, передаваемого буквой **ц** в записи формы именительного падежа (ставшей заголовком статьи), иначе говоря, как выглядела бы она в приближении к принятой орфографии — **тётка* или **тётька*; вопрос, впрочем, скорее не к составителям словаря, а к безответным регистраторам этих форм. Ещё раз нужно высказать сожаление о принятой в словаре упрощённой графике для диалектных текстов: согласимся, что если за буквенной последовательностью *тецки* (sic!) может скрываться форма, в иной манере записываемая как *тётьки*, то неладно что-то в наших лексикографических правилах.

2. Тёчка и тётка, *ж.* 1. Тётка. Тетушка, тетя. 2. Тётка. Болезнь малярия. Казан., 1855 [СРНГ 44: 110].

Колебаний **е** ~ **ё** в заголовке и подзаголовках, утомительно диктующих избыточные разночтения, можно уже не касаться. Речь о букве **ч**: совершенно очевидно, что использованные в статье записи отражают не историческое развитие аффрикаты **ч**(') из этимологического **т'**, а лишь шепелявость последнего — [т'^ш], свойственную конкретным идиолектам и специального показа в словарях не заслуживающую. К значению «2.» в комментируемой статье: см. *тётка* 4. 'болезнь малярия' в этом же томе (с записями от Смоленщины до Забайкалья).

Тигрёневый {...}. Шагреневый. {...} Углич. Яросл., 1990 [СРНГ 44: 118].

Правильно ли прочитана запись? В ней можно допустить отражение редукции гласного в предударном слоге: *шигрене́вый.

2. Тиль, ж. Насекомое тля. *Прошлый год тиль мало было, а уже но-нешний — как кто-то насыпал. Тиль есть, связывает сам цветок.* Брян., 1973 [СРНГ 44: 118].

Очень непростой случай. В первой фразе (от точки до точки) форма *тиль*_[1] воспринимается иначе, чем это прописано грамматическими характеристиками в начале словарной статьи, — скорее как форма родительного падежа множественного числа к некоему **тиля* (в реконструкции похожему на *миля* или *простофиля*; впрочем, ударение — на вкус реконструктора). Вторая фраза включает в качестве сказуемого к подлежащему *тиль*_[2] двусмысленную глагольную форму *есть* — то ли ‘имеет место’, то ли, несколько более вероятно, ‘поедает, жрёт’ (с брянской палатальностью во флексии, чему, однако, не резонансна соседняя глагольная форма); общее содержание фразы просматривается с некоторым усилением. Так или иначе, свести формы *тиль*_[1] и *тиль*_[2] в непротиворечивую парадигму оказывается задачей чрезвычайно затруднительной.

1. Тiля, м. 1. О глуповатом, простодушном человеке [?]. *Бог не тiля: видит праведника и крутиля.* Смол., Добровольский, 1891 [СРНГ 44: 118].

Составителю статьи неизвестны пословицы — белорусская *Бог не цяля — бачыць круцяля* (буквально ‘бог не телёнок, видит проходимца’), украинская *Бог не теля, баче (з)відтіля* ‘...видит оттуда’. О вытекшей из этого незнания формоотожествительной ошибке, акцентуационной прежде прочего, можно не говорить.

Тимотиграс, м. То же, что тимотей. Бурнашев [СРНГ 44: 125].

То есть ‘Phleum pratense, тимофевка луговая’. Номенклатурное немецкое Timothygras, записанное кириллицей, составителем СРНГ опрометчиво расценено как русское диалектное слово. Заметим отсутствие территориальной пометы как в комментируемой статье, так и в отсылочной.

Типённый, ая, о е. 1. Ступа на мельнице для толчения ячменных отрубей на муку. {...} [СРНГ 44: 130].

Прилагательное истолковано как существительное.

Тирь, *глагол. междом.* Об измельчении овощей на терке. {...} *Отморозил щеку да тирь, тирь ее снегом.* Смол., 1939–1956 [СРНГ 44: 130].

Без комментариев.⁵

Тискануть {...} [СРНГ 44: 135].

Во всех трёх текстуальных картинках, сопровождающих в статье толкования этого многозначного глагола, его написание отклоняется от орфографии, заданной заголовком: *тиск~~о~~нул* ('надавил' — крючком как инструментом), *тиск~~о~~нули* ('внезапно наступили' — о морозах), *тиск~~о~~нули* (с неясным значением, которое, однако, соответствует не прописанному толкованию 'быстро убить выстрелом зверя', а явно чему-то другому: *Охотники тисконули, стрельнули медведя из ружья да уложили его насмерть*). Об орфографии источников можно лишь гадать; судя по накопленному опыту чтения СРНГ, оригинальные записи нередко подвергаются в нём графическому поновлению. Как бы то ни было, наблюдаемое расхождение между заголовочной и иллюстрирующими формами маложелательно.

1. Титька и титка. {...} ~ **Куричьи [курячьи] титьки, свиные ножки.** {...} Даль. {...} Подвысоцкий {...} [СРНГ 44: 139–140].

В источниках, и не только упомянутых, иначе: «...свиные *рожки*». Без комментариев.⁵

Тйца, *жс.* Птица. Р. Индигирка Якут., 1928–1931 [СРНГ 44: 147];

2. Тйчка, *жс. Ласк.* Птица. Р. Индигирка Якут., 1928–1931 [СРНГ 44: 148].

См. выше комментарий к ст. **Ташки**.

Тлэли, *мн.* 1. Срубленный и сожженный лес. {...} || Выгоревший участок леса. {...} *на этом месте, по тлелям, клевер хорошо растет.* Волог. {...} [СРНГ 44: 155].

В заголовке статьи не отражён вариант с непалатальным исходом основы: «2. Упавшие сгнившие деревья. *Нынче в лесу тлел много.* Режев. Свердл., 1987». Здесь кавычками выделена подправленная составителем анализируемой статьи цитата из издания [Словарь Среднего Урала VI:

⁵ Первоначальный вариант комментария по причине его недостаточной академичности снят. — *Ред.*

93], источника надёжного, где эта форма приводится в статье **Тлёло** — под вокабулой, как можно заметить, несоединимой с формой, которая «возглавила» комментируемую статью СРНГ. Некорректностей такого рода в нём, как, впрочем, и любом другом словаре, лучше избегать.

Тлеть {...}. ~ **Нитки тлеют на рубaxe**. Очень бояться чего-л. *И раз по ему все нитки тлеют на рубaxe*. Опоч. Пск., 1957 [СРНГ 44: 156].

По моим наблюдениям, подобные фразеологизмы, представляющие собою синтаксически завершённое предложение, у лексикографов нередко вызывают затруднения в отыскании удобных формальных соответствий. В данном случае (где фразе, включающей финитный глагол, поставлена в качестве толковательного соответствия лишённая предикативности конструкция с инфинитивом) из состава фразеологической единицы опрометчиво выпущено входящее в её синтаксическую схему неизменным членом предложно-именное (конкретно здесь — предложно-личностное) сочетание *по ему* ‘у него, на нём’. Зато в «толкование» механически включена местоименная форма *чего-л.*, провисающая без соответствия чему бы то ни было в составе толкуемого. Кажется, лучшим, чем обсуждаемый, вариантом словарного показа фразеологизма было бы «~ **Все нитки тлеют на рубaxe по кому-л.** Страшно кому-л.».

Тлеять {...}. Тлеть. *Грудка-то [костер] не загасишь: тлеет еще*. Новг., 1965 [СРНГ 44: 156].

Статья представляется удобным случаем показать, как принятые в СРНГ укорочение русского алфавита до тридцати двух букв и снятие диагностических ударений за пределами статейных заголовков сказываются на восприятии текстов-иллюстраций. Можно поручиться, что при чтении закурсивленного текстуального примера читатель споткнётся несколько раз, пытаясь осознать его смысл. Во всяком случае соотнести буквенную последовательность *грудка* с формой родительного падежа существительного *грудок* ‘костёр’ (см. [СРНГ 7: 164]) сходу не удаётся; а как при прописанном заголовке озвучить финитную форму *тлеет* — **тлеёт*, **тлѣ[jo]т* или ещё как-нибудь, — остаётся непонятным даже после пробных репетиций. Вопрос об ударении в форме *загасишь* не стоит и задавать. Широта возможностей для формальной и содержательной интерпретации может предстать достоинством разных жанров художественной литературы, но природа и назначение словарей, включая диалектные, иные.

[Толеть] [СРНГ 44: 183].

Замечание касается не названной статьи, а, по-видимому, следующей, которая из-за какого-то сбоя в наборе осталась без начала (после неё следует статья **Толечки**):

2. *Временной союз*. Едва, едва лишь. *Томче* белые уехали, и красные здесь. Велиж. Тюмен., 1998.

В цитате ошибка набора (чтения): вместо *томче* следует, по-видимому, **толече*. Ср. далее в словаре: *то́liche* ‘только’ [44: 184].

Толз, *частица*. Не толз. Не только. Молож. Яросл., Преображенский, 1853 [СРНГ 44: 183].

Тёмный случай. В источнике [Преображенский, 1853: 134] обнаруживается соединение буквенной последовательности *толз* с отрицательной частицей лишь в слитном написании (: «*Нетолзъ* — не только»). Оно, вероятно, отражает морфологическую спаянность элементов, а не простое (свободное) соединение слова и негативирующего знака. Никаких формальных аналогий этому слову — или псевдослову — найти не оказалось возможным (обратный словарь к СРНГ даёт ещё только две единицы с исходом на -лз, явно с рассматриваемым случаем не связанные: *ополз* и *харлз*⁶, см. [Инверсионный индекс 2000: 151]). В моложскую запись, по всему судя, вкралась чрезвычайно досадная ошибка. Мне кажется, что форму *нетолзъ* можно сопоставить с устройством наречий *дотоле* ‘до тех пор, до того времени; до того места или случая’ (формула Даля), *оттоле* ‘оттуда; с тех пор, по этой причине, потому’, *потоле* (ср. в нижегор. *потоле эдак* ‘должно быть(,) так’), и исход записи (-зъ) следует объяснить как результат неверного прочтения рукописного «ятя»: -ѣ. То есть заголовок статьи должен был выглядеть как **Нето́лѣ** (или, с приношением к теперешней орфографии, несколько упрощающей историко-языковые связи, — **Нетоле**).

Толка́ться {...}. [СРНГ 44: 187].

В статье три из семи текстуальных иллюстраций (к разным значениям) содержат финитные формы *толкусь* и *толкись*, которые могут быть соотнесены с просящимся в заголовок инфинитивом *толочься*. Замечание, однако, условно: полными парадигмами конкретных говоров, в

⁶ Первая — производное к оползать (см. у Даля); вторая в нужном выпуске СРНГ отсутствует, ей, по-видимому, в уточнённом облике отвечает урал. *ха́рлез* ‘хариус’.

которых могут вторичным образом смешиваться формы, возводимые к нетождественным родственным архетипам, мы не располагаем.

Толкѹта, жс. Кушание из вареной рыбы, толченой с ягодами. Колым. Якут., 1901 [СРНГ 44: 193].

Результат прочтения рукописной буквы **ш** как **т**. Ср. сиб., камч. *толкѹша* 'кушанье из тюленьего или другого жира, с ягодами, кореньями, иногда с рыбной икрой' [Там же].

Толокшѣка, жс. Суп из овсяной крупы. Пск., 1959 [СРНГ 44: 203].

Остро ощутимая неорганичность этой вокабулы заставляет искать неспорченный оригинал. Близкими к нему видятся формы в статье «**Толокнѣха** и **толокнѣха**, жс. 1. Овсяная похлебка. Пск., 1957–1961» [СРНГ 44: 200]. Ещё более близкая в графическом облике часть основы *толокм-* не совпадает, однако, с комментируемой формой дальнейшей суффиксацией и семантикой: *толокмѣнка* 'толчёное корѣ', 'загнивающая дряблая рыба' и 'плод шиповника' [Там же]. Так или иначе, в заголовок статьи помещена повреждённая форма.

Толстобашѣмный, ая, ое. Имеющий большую голову. Яросл., 1990 [СРНГ 44: 208].

Сравнение этой словарной статьи со следующей («**Толстобѣшешный**, ая, ое. То же, что толстобашемный. Яросл., 1990») не оставляет сомнений в их появлении из единого источника и очевиднейшим образом говорит в пользу второй из них. Замещение этимологически оправданного **ш** (в сочетании *шин* < *чн*: *-*башечн*- ← *башка*) на **м** может быть объяснено лишь как следствие девиантного прочтения второй из двух букв **ш**; непрозрачность вновь возникшей «морфемы» могла далее вызвать у составителя статьи мысленное перенесение ударения вправо на один слог. Не очень понятно, правда, какие технологические обычаи работы над словарём привели к появлению параллельных картотечных дешифровок единой диалектологической записи. Попутно можно сказать о забавности указаний на парадигму родовых флексий («-**ый**, ая, ое») у прилагательного штучного, выявленного в единственном экземпляре на всю многовековую русскоязычную литературу (но таковы правила лексикографической обстоятельности, оспаривать которые нет причин; хотя, нужно заметить, как раз отступления от них в СРНГ более чем нередки).

Толчёник {...}. 3. Толчёники, *мн.* Рыбные котлеты. *Тогда ж мясорубок не было, мясо на котлеты толкли и получались толченики.* Даг. АССР, 1989. || Колобки, клецки с рыбой, которыми заправляют уху. Север, Даль. {...} [СРНГ 44: 187].

Непонятно определение «рыбные» в толковании, сопровождаемом дагестанским примером.

Томче, *частица* и *союз*. 1. Выделительно-ограничительная частица. Только. *Томче не говорите, что дед вас послал.* Ср. Прииртышье, 1993 [СРНГ 44: 227].

Ошибка прочтения. Ср. форму *то́liche* ‘только’ с регистрациями в говорах Урала [СРНГ 44: 184].

Союза, который обещан послезаголовочной ремаркой, в статье нет. Вероятно, это следствие авторского пропуска и редакторского недосмотра: трудно представить механическое выпадение абзаца из компьютерного набора.

Тонковолóкий {...}. Тонковолокнистый. Кушвин. Свердл., 1998 [СРНГ 44: 230].

Это одна из нескольких статей, показывающих произносительные колебания и малозначительные расхождения в морфемном составе слова, найденного в одном месте и в одно время (см. позиции **Тонковолóкий** и **Тонковолóкный** на следующей странице словаря). Однако как раз комментируемую форму, думается, можно было не включать в словник, поскольку она отражает лишь небрежное произношение, интереса для толковой лексикографии не представляющее.

Тончёвенький {...}. *Она такая маленькая да тончевенькая.* Любыт. Новг., 1968 [СРНГ 44: 235].

Текстуальная иллюстрация к статье и географические сведения о слове совпадают с показаниями статьи **Тончáвенький** на этой же странице словаря. Если не считать ударного вокализма в заголовках, незначительное различие лишь в толкованиях: «Худой, тонкий (о человеке)» здесь и «Худенький, стройный (о человеке)» там. Можно предположить дублирование исходного материала. Информация какой из статей, различающихся скорее лишь технически, достовернее? Впрочем, любыттинские тексты можно сравнить и с регистрацией валдайской, километров на 120 южнее и лет на 120 раньше: «**Тонч́ивенький** {...}. *Она така тон-*

чивенька» [Там же]. Однообразие записанных на Новгородчине текстов, служащих примерами к этим трём статьям, смущает.

Топѣд, м. Мопед. {...} [СРНГ 44: 239].

Не может ли это слово быть результатом ошибочного прочтения торопливой ручной записи? Ср. ранее отмеченные дешифровочные смещения в СРНГ строчных букв **м** и **т**: *натекнуть*, *готонить*, *кулеты*... вместо правильных форм *намекнуть*, *гомонить*, *кулёмы*... (см. в критических разборах А. Е. Аникина, А. Б. Страхова и др.).

Топка́ч, м. Инструмент, используемый при изготовлении сукна. {...} [СРНГ 44: 239].

Эта статья, исключая мену **л** на **п** в заголовке и внутри иллюстрации и несущественную разницу в дефиниции, повторяет основную часть пункта 4. статьи **Толкач** в этом же выпуске [44: 187]. Справка в словарях-источниках подтверждает ошибку в комментируемом заголовке (см., в частности, [Новосибирский словарь: 537]: *толка́ч*, ровно с тем же примером).

Топлы́ж, м. Болотистое, топкое место. {...} *Топлыж, здесь не прой- дешь, не проедешь, слабый грунт*. Ср. Прииртышье [СРНГ 44: 248].

Думается, что написание с *-ж* на конце формы вызвано реальным звонким согласным сандхиальной природы (*-[ыж_з'д']-*), который регистратор текста подсознательно спроецировал в письменное отражение слова. Суффикс *-ыж(-)*, судя по всему, не существует в качестве независимого оформителя, а выступает только как связанный вариант суффикса *-ыг-* перед другим суффиксом — с историческим «ерем» (**-ьп-*, **-ьј-*: *сквалыжский*, *булыжник*, диал. *мухрыжник*, *комлыжсье*...). Иная, более оправданная запись обсуждаемого слова — на этой же странице словаря, в статье **Топлы́ш**, в диагностирующих формах (*в*) *топлыше*, *топлыши*, запись одной из которых, кстати, сделана в том же Среднем Прииртышье и, похоже, тем же диалектологом-собирателем.

Тóроз, м. Ледяная глыба {...}; торос. {...} [СРНГ 44: 280].

Упрёки комментируемому изданию в бедности грамматической информации, отмеряемой принятыми его правилами, могли быть сделаны не раз и по множеству поводов. В рассматриваемом случае парадигматическая характеристика слова обеднена за счёт умолчания сведений о

плюративе *торо́за* (именит. пад.), который невыводим из заголовочного блока, но скрыт в цитате («Где торо́за — весной говорят: “Лед несёт”»).

Попутно: наречие *стоя́мя* («Его *стоя́мя* ставит») — следствие опечатки? Или это реальная форма, не выявленная эксплораторами, но заслуживающая словарной регистрации?

1. Торо́к, м. Вербка, ремешок в упряжи пристяжной лошади. *А вот веревки-то идут, это тороки*. Турин. Свердл., 1987 [СРНГ 44: 281].

В курсивной цитате из доброкачественного издания [Словарь Среднего Урала VI: 97] обнаруживается исправление, которое совершенно не заметно торопящемуся читателю, но носит чрезвычайно злокачественный характер: *веревки-то*, с заменой (!) постпозитивного элемента, — вместо восхитительно точного *верёхки-те*. С какой целью сделана поправка? Ведь в диалектологическом издании подгонка диалектного текста к нормам письменного литературного языка — это прямая фальсификация данных. В чём составители СРНГ видят задачи диалектографии вообще и назначенность собственного лексикона в частности? По моим наблюдениям, «улучшающей» правки источников, вплоть до прямых, как в показанном случае, подлогов, в обсуждаемом словаре катастрофически много, хотя эта правка прямо нигде не декларируется. Заметный в 1930-е годы бичеватель диалектов как постыдного, изжившего себя социального явления вульгарный марксист Ф. П. Филин от этих своих взглядов позже, насколько мы знаем, отошёл, но ранние его воззрения, созвучные социалингвистическим позициям Ленина (ср. у последнего презрительный термин «областнический» — о словаре Даля) и Горького (который русского крестьянства не знал и откровенно не любил), в разных местах СРНГ аukaются, пусть своеобразно, до сих пор.

2. То́рок, м. Лыдина, кусок льда. *На берег большой торок льда вынесло*. Терск. Мурман., 1932 [СРНГ 44: 281].

Сочетание именно этой формы и этого значения регистрируется единожды. Результат ошибочного прочтения? Синтаксическая неточность записи? Ср. расхождения с показаниями статей **1. То́рок** 1–3, **1. То́ро́с** 1–3 [СРНГ 44: 280–281, 284].

Попутно: ярлыка «Терск. Мурман.» в перечнях сокращений географических названий не обнаруживается (имеется в виду Терский берег — восточная окраина Кольского полуострова; отдельное сокращение

«Терск.» отсылает к исторической административно-территориальной области по р. Тереку, с центром во Владикавказе).

Тороко́, *ср.* Один из двух ремней позади седла, которыми привязывают груз. Сиб., Черепанов, 1854 [СРНГ 44: 281].

Ввиду редкости регистрации можно осторожно предположить неверное восстановление сингулярной формы из *торока́* (мн.) — вместо *торо́к*. Однако *ср.* севернорусские формы *багрó* ‘багор’, *дерно́* ‘дёрн’, *колоколó* и под., особенно *гужó* ‘часть конской упряжи’ [Архангельский словарь 10: 136].

Торопа́, *мн.* Ремни сзади седла, торока. Онежские былины, 1948 [СРНГ 44: 282].

Судя по всему, старый *lapsus legendi*: из *торока́* (мн.). *Ср.* (1.) *торо́к* (ед.) то же.

Торсовщик {...}. Арх., Песков, 1931;

Торсовый {...}. Арх., Песков, 1931 [СРНГ 44: 290].

Две эти формы (из единого источника), вынесенные в заголовки статей, вызывают сомнение. Во-первых, других записей укороченной таким образом широко распространённой основы (корня) *торо́с-*, которая служит для обозначения ледовых образований, нигде больше, похоже, не отмечается (см. компетентный и пунктуальный обзор производных в [Аникин 2000: 557]). Во-вторых, в текстуальной иллюстрации ко второй из них упомянутая основа встречается в обеих версиях — и полнобуквенной, и «синкопированной»: «...на льдинах, по местному выражению “торосах”, вследствие чего и самый промысел называется “торсовым”, а промышленники — “торсовщиками”». Что за этим — отражение узкорегionalной / индивидуальной произносительной особенности либо всё же ошибка в письменном воспроизведении формы?

Тосё-быё, *указат. местоим.* Разнообразные дела, обстоятельства, слова и т. п.; то да сё. Дон., Голубов, Архив АН [СРНГ 44: 294].

Статья вызывает сомнения. Во-первых, ошибочна характеристика этого местоимения: не «указательное», а неопределённое (к чему можно добавить, что местоименные функции союзных сочетаний *то да сё* и его эквивалентов ощутимо ослаблены, в развёрнутые синтаксические построения, в отличие от стандартных местоимений, они вписываются с

трудом, тяготея к текстуальной отдельности). Во-вторых, подозрительна неопрятность его формы. Обычно тандемные местоимения со значением обобщительной неопределённости принадлежат прозрачной рифме: *такой-сякой, того-сего, того-ново* [СРНГ 44: 300]⁷, *там-сям, туды-суды, всякого-якого* (→ *всякова Якова*)⁸; они по своей конструкции примыкают к явлениям гендиадиса, с характерной для него асемантичностью одного из компонентов рифмованного сложения (см. [Рамстедт 1957: 222–223; Журавлёв 1982: 85–86]). Возникает естественное подозрение, что комментируемая статья возникла путём патологического удвоения предшествующей ей — **Тосё-босё** «то же...» (с географической пометой «Дон., 1848») из-за прочтения буквенного сочетания *ос* как *ы*. Сомнений насчёт этой последней статьи меньше — хотя бы потому, что неподалёку помещена статья «**Тоси-боси, у(к)азат. местоим.** То же, что тосё-быё. *Тоси-боси и сто рублей порассторил* [потратил]» с той же донской географией, но с примером более позднего времени записи.

Тот-сей, та-ся, те-сё, *неопр.-личное местоим.* {...} [СРНГ 44: 301].

Отыскать в словаре хотя бы одну из трёх номинативных форм, помещённых в заголовок статьи, не удалось. Эта трёхзвенная цепочка вокабул-реконструкций, показанных по правилам лексикографической игры лишь в номинативе-сингуляре, соотносится только с малым числом реальных парадигматических форм: *того-сего, тому-сему, ту-сю, то-сё, тех-сих (тих-сих)* — вот, пожалуй, и всё. Но вопрос даже не в правдоподобии или сомнительности того или иного заголовочного реконструкта (ошибочность предложенной записи *те-сё* более чем очевидна). Вопрос в том, относятся ли знаковые последовательности вроде *того-сего* к лексикализированным единицам или остаются фактом синтаксиса: если буквенную цепочку *того-сего*, оглянувшись на заголовок, мы незатруднительно сочтём формой слова, то как быть с цепочками *о том о сём, ни с того ни с сего, ни про то ни про сё...* (которые скорее всего предстанут во всех записях и без дефиса, и без запятой)? Самостоятельные знаки (и тогда им место в словаре) или комбинации знаков (а в этом случае они должны

⁷ Предложенная в словаре орфография этой пары зрительно ослабляет эффект её зарифмованности. Пример подтверждает высказанное ранее соображение об изначально местоименной природе прилагательного *новый* [Журавлёв 2016: 183–191].

⁸ Вплоть до синтаксически вырожденных крайних вульгаризмов (*хуё-моё*).

рассматриваться в описаниях диалектного синтаксиса)? Но ведь есть ещё комбинации местоименных этих форм с сочинительными союзами: *то да сё, того и сего...* Ответ на произнесённые сомнения вполне ожидаем: мы имеем дело с фразеологией. И если так, то почему «**Тот-сей**, та-с-я, те-с-ё» квалифицированы словарём как «*неопр.-личное местоим.*», а не более адекватной формой?

Тóщить, *несов., перех.* Тащить, нести что-л. Жиздр. Калуж., 1905–1921. *Чего на себе тощишь, ведь лошадь же есть.* Дон. [СРНГ 44: 313].

Заголовочная реконструкция более чем сомнительна: ср. в соответствии закономерным финитным формам *садит, катит, платим, подаришь* просторечно-диалектные *сóдит, кóтит, плóтим, подóришь*, которые не придёт в голову приводить к инфинитивам, подобным заголовочному, — с накорневым ударением.

Трак, *м.* Дорога, проезд и т. п. *Значит, заехали, гляжу трак-от узкий там, я взял в сторону {...}* Нижнетагил. Свердлов., 1970 [СРНГ 44: 347].

С некоторой, однако, вероятностью можно допустить, что здесь не постпозитивная частица *-от*, а произнесение слова *тракт* с паразитической слоговостью в конечном консонантном сочетании: [трак^т]. Ср. «**Фáкот**, *м.* Факт. Бударин. Сталингр., 1958» — наряду с упрощением конечной консонантной группы в «**Фак**, *м.* Факт. Тутаев. Яросл., 1928. Бударин. Сталингр.» [СРНГ 49: 40].

Трандúн, *м.* О неповоротливом человеке. *Все помощники — трандуны.* Дон., 1929 [СРНГ 45: 5].

Снятие ударений в текстуальных примерах, принятое в комментируемом издании за жёсткое правило, лишает оригинальную диалектную запись требуемой или достижимой точности и делает её в акцентологическом отношении двусмысленной. В настоящем случае непонятно, на каком слоге находится ударение в форме множественного числа — конечном или предконечном? Словарь-источник такие сведения давал («*{...}* Вот помощники-трандуны» [Миртов: 325], ударяемый гласный выделен в издании полужирной литерой), в СРНГ же эта информация, как можно убедиться, сочтена излишней роскошью. Непонятно, кроме того, насколько необходимо «восстановление» графики шипящего согласного (**щ** на месте **ш** в оригинальной записи); по моим наблюдениям, такая правка в словаре делается непоследовательно. А уж о такой мело-

чи, как замена *вот* на *все*, безобразно искажающая смысл высказывания (выражение досады по конкретному поводу, степень которой не слишком ясна, вытеснено злобно-осудительной сентенцией обобщительного звучания), можно и не упоминать. Что заставило составителя, точнее, копировщицу этой статьи, сделать четыре исправления в чужом цитатном тексте, образуемом всего тремя словами?

Транды́, *ж.* Чепуха {...} [СРНГ 45: 5].

Раньше в подобных случаях после заголовка было принято ставить указательную помету «*мн.*».

Тратарарá, *ж.* Пустая болтовня. *Сошлись соседки: тратарара.* Смол., 1914 [СРНГ 45: 10].

Звукоподражательное междометие трактовано как имя существительное, с приписанием ему грамматического рода. Словарь [Добровольский: 914], откуда взято слово, повода к его «субстантивации» не даёт.

Трёкало, *м. и ж.* 1. Болтун, болтуня. {...} 2. Врун, обманщик. {...} [СРНГ 45: 24].

Вариативность грамматического рода этого имени существительного — выбор между мужским (!) и женским (!), в зависимости от объекта именования, см. призаголовочные пометы, — с неопровержимой убедительностью иллюстрируется примерами: *Баба-то у Васьки — чистое трекало*; {...}; *Ходит по домам трекало проклятое да врет напропалую что на ум взбредет* {...}.

Тремы́чка, *ж.* Перемычка, промежуток. Старорус. Новг., 1855. Новг. [СРНГ 45: 30].

С вероятностью можно предположить неточное прочтение рукописного начертания слова *перемычка*. Характерный для книжной речи префикс *тре-*, первоначальное значение ‘троичности, троекратности’ у которого сместилось к семантике усилительности (ср. *тресветлый, треклятый, трезвон, треволнения*), вряд ли может быть усмотрен в составе обсуждаемого заголовочного имени.

2. Трень-брень, *ж. собир.* Мелочной товар. Дон., 1852. ♦ Чего с трень-брень. О незначительном количестве чего-л. Дон., 1852. ~ Получилось, выросло и т. п. **трень-брень.** Выросло, уродилось пло-

хим, редким (о зерновых, травостое и т. п.). *Сеял по норме, а всходы ржи получились трень-брень. Ныне в лугах травостой трень-брень.* Теренг. Ульянов., 1971. [СРНГ 45: 34].

Слову очевидно междометной природы — лишённому каких-либо признаков изменяемости и в лучшем случае могущему оцениваться, с отталкиванием от ульяновских примеров, как несклоняемое прилагательное — приписана категория рода. СРНГ в этом случае повторяет некорректную грамматическую квалификацию слова в лексиконе [Опыт: 232], откуда оно взято (с припиской ярлыка «соби́р.»). Впрочем, в предложении, сопровождающем вокабулу в «Опыте», но в СРНГ почему-то не воспроизведённом, эта междометная единица помещена в сравнительный оборот (*Всего-то с трень-брень*), бросающий на неё ответ субстантивности, но без всякого навязывания гендерного грамматического осмысления.

Трепалы́га, ж. Болтун, пустомеля {...} || Хвастун. *С ним, трепалыгой, даже разговаривать не хочется.* {...} [СРНГ 45: 37].

Несмотря на местоимение мужского рода *он* (/ *ним*), соотнесённое в цитате с толкуемым статьёю словом, при вокабуле проставлен значок «ж.». Для сравнения: в СРНГ слова общего рода *забулдыга*, *топтыга* и др. мечены значком «м.» (примеров на применение этих слов к лицу женского пола, вероятно, не нашлось), а *босомыга*, *замухрыга*, *коротыга*, *мурыга*, *прощелыга*, *сквалыга*, *торопыга*, *фуфлыга*, *ханыга* и мн. др. — корректным указателем «м. и ж.» (специальной пометы для существительных общего рода в словаре не предусмотрено, см. [СРНГ 28: ix]).

Трепечить {...} Дрожать, трепетать {...} [СРНГ 45: 38–39].

Инфинитив, восстановленный в заголовке статьи, сомнителен. Дважды отмеченная в текстуальной иллюстрации неакцентованная финитная форма *трепечит* (об осине, точнее, её листве) может соотноситься с иными инфинитивными версиями, прежде всего с *трепетать*.

Трэска́ть, несов.; **трэ́снуть** и **трэ́снуть**, сов., *неперех.* {...} 7. Умереть, скончаться. {...} □ Безл. *Треснуть кому-л. Эка была-де корова обжорища, Да дробины-то наелась, ей и треснуло.* Пудож. Олон., Гильфердинг. {...} [СРНГ 45: 50–51].

(i) Диалектная местоименная форма *ей* принадлежит не дательному падежу, как определено в статье («кому-л.»), а представляет собою

аллегривый вариант винительного (= 'её'). Кому как не диалектологу об этом догадаться. Фразе *ей треснуло* ближайшим образом отвечает толкование 'её разбило', а не 'она умерла, скончалась', как то назначено подстатейным толкованием. [*Дробина* — 'солодовая гуща, пивные выжимки (обычно скармливаемые скотине)', см. Архангельский словарь 12: 260.]

(ii) Речение **Съела молодца, да и не трёснула** следовало разместить не в этой подстатье, а в предшествующей («б. Ломаться, лопаться, разрываться на части (с треском)»).

Тржіканье, *ср.* Крик стрепета. *Призывное, неудержимо-страстное тржіканье самцов слышалось повсюду.* Дон., 1949 [СРНГ 45: 94].

Заголовочное слово — не донской диалектизм, а изобретение М. Шолохова (привлечена цитата из «Тихого Дона», книги третьей). Никакими другими источниками существование слова не подтверждается. Несмотря на высокую компетентность Шолохова (как и некоторых других, сравнительно немногих, литераторов) в региональной лексике, к цитированию беллетристических сочинений в собственно диалектном словаре лучше не прибегать: велика опасность aberrаций.

Трінди-брінди, *м.* Непутёвый человек. *Он эдакий какой-то тринди-бринди.* {...} [СРНГ 45: 99].

О принятых в комментируемом словаре способах выявления грамматического рода подобных имён уже говорилось (см. выше). Впрочем, вопрос как раз в том, какое это имя — существительное или несклоняемое прилагательное, и если последнее, то уместна ли помета «м.».

Триожітошник, *м.* Выпечное изделие из муки, приготовленной из смеси трех злаков — ржи, овса, ячменя, реже пшеницы. *Триожитошников matka напекет.* Кирил. Волог., 2005 [СРНГ 45: 100].

Похоже, что в заголовке — результат описки, которая не была вовремя выявлена и исправлена, а словарная карточка с нею механически попала в «нужное» по алфавиту место: *ср.* далее в этом же словарном томе (с. 107) статьи **Троежітка**, **Троежітник**, **Троежітний**, **Троежіток**, **Троежіточный**, развивающие ту же семантику. Предположить речевую (артикуляторную) метатезу [о'и] → [’ио] с утратой йотобразного межвокального элемента и компенсаторным смягчением вибранта затруднительно.

Трипу́шник, м. Растение *Centaurea Jacea* L., сем. сложноцветных; василек горькуша. Тул., Анненков [СРНГ 45: 100].

Наряду с записью *Трипушник* в высококомпетентном ботаническом словаре [Анненков 1878: 90] встречается фитоним *Трипутник* ‘подорожник, *Plantago arenaria*’, ‘*Swertia perennis*’ [Там же: 258], который и следует находить предметом графической порчи (Н. И. Анненков пользовался многочисленными присылавшимися ему рукописными источниками, не всегда филологически безупречными). К сравнению: фитонимы *трепутник*, *трипутень*, серб. *трипутац*, *тропутац* [Там же: 259, 290]; шире, вне композитных единств, также *путник*, *попутник*, *припутник*, *дорожник*, *подорожник*, *придорожник* и проч.

Троежéнить, ж. Троеженство. *Спаси Господи меня, раба Божия Ивана, от ведуна, от ведуницы, от троежениги*. Онеж. Арх., 1885 [СРНГ 45: 107].

Заголовочная форма и предложенное её значение чрезвычайно сомнительны. Во-первых, толкование выдвигает неизвестный субстантивному словообразованию суффикс **-ить*. Возможное предположение, что запись отражает старую морфему **-(')adъ*, из-за деэтимологизации претерпевшую оглушение согласного, нужно отклонить по семантическим и строевым причинам: имена с нею тяготеют к более конкретной семантике; эта морфема, как можно заметить далее, не используется в образовании сложных (композиционных) основ. Во-вторых, словарём предлагается интерпретация заговора, по которой трёхчленный (если текст не оборван) перечислительный ряд, в отступление от привычных для этого жанра последовательностей, включает разнокатегориальные содержательные величины — имена чуть ли не мифологизуемых персонажей, несущих угрозу, с одной стороны, и абстрактное название осуждаемого социального состояния, с другой. Перечисления в заговорах в семантическом отношении обычно более цельны, если не сказать монотонны. В-третьих, диалектные имена перм. *двоежéня*, волг., перм. *новожéня* и специально перм. *троежéня* [СРНГ 7: 287; 21: 257; 45: 107] позволяют увидеть в разбираемой онежской форме (*от*) *троежениги* сочетание существительного с севернорусской постпозитивной частицей *-ти*.

Троеля́й, м. То же, что троелист. *Троеляй, он от желудка*. Амур., 1983 [СРНГ 45: 109].

Сомнение касается статьи не в СРНГ, а в источнике — [Словарь Приамурья: 302]. Представить девиантное прочтение ручной записи *троелист* (в СРНГ регистрируется 7 лексем с такой основой) намного легче, чем выявить этимологию и этиологию заголовочной формы, если она точна.

Троесотёнка, ж. Шалаш с тремя стенками. Илим. Иркут., 1969 [СРНГ 45: 111].

Статья на своём алфавитном месте. Близкое расположение статей **Троестён**, **Троестénка**, **Тростénный**, **Троестéнок** с почти идентичными значениями (география разная) не изменило уверенности составителя в реальности слова. Но тогда оно становится проблемой для историков фонетики и лексики.

Троснка, ж. Лодка. Пск., Максимов, 1957 [СРНГ 45: 134].

Неудобопроизносимость заголовочной записи не заставила составителя статьи усомниться в реальности слова. См., однако, «Троёнка {...}. 2. Небольшая промысловая лодка. Пск., 1912–1914 {...}» [СРНГ 45: 109].

2. Трóхи, нареч. {...} 2. Непродолжительное время, недолго. {...} *Дай трóхи соли*. Одесск. {...} [СРНГ 45: 139].

Юмористический момент составителем статьи явно не предусмотрен. Возможно, из неё выпала какая-то её часть.

Тупорн, нареч. Тогда, в то время. Катанг. Иркут., 1981 [СРНГ 45: 259]. Неверно прочитана запись наречия *тупори* или *тупоры* то же [Там же].

Тушанёнок, м. (мн. тушаня́та). Птенец. {...} [СРНГ 45: 307]. См. комментарий к статье **Та́шки** — [Журавлёв 1995–2023, 15].

Тыс, м. Площадка, на которой молотят, ток. Вышневол. Калин., 1938 [СРНГ 45: 340].

Очевиднейший lapsus legendi. Жертвою пало короткое и подверженное опасностям рукописное слово *ток*: небрежно написанная, может быть, даже не замкнутая в кольцо буква *о*, соединённая с вертикальным штрихом следующей буквы, прочитана как *ы*, а правый остаток буквы *к*, начертанный в один штрих, воспринят как *с*.

Дополнения к статьям 1–14 (СРНГ 1–43)

Бабáтка {...}. || Поплавок на рыболовных снастях. Оренб., Даль [СРНГ 2: 16].

Более точной видится форма *бабáшка* ‘поплавок {...}’, показанная на следующей странице словаря и сопровождаемая более широкими географическими пометами. Паспортизация «Даль» не всегда, по моим наблюдениям, гарантирует достоверность вокабул, полученных лексикографом из вторых рук.

Балжаш, а, м. [удар.?]. Шутник, озорник. Черепов. Новг., 1893 [СРНГ 2: 82].

(i) Неверное прочтение *ж* на месте правильного *м*. Ср. рядом, на следующей же странице разбираемого словаря: «**Балмáжь**, и, *ж*. *Собир.* Несерьезная, хулиганская публика на гулянье. Белозер. Новг., 1926», «**Бáлмош**, а, м. 1. Взбалмошный, сумасбродный человек; сумасброд. Пошех. Яросл., 1849. Ржев. Твер., Вят. || Озорник, шалун. Черепов. Новг., 1926. 2. Глупый человек, делающий что-либо не подумав, с налета. Яросл., 1918. 3. Блажь, дурь. Пск., 1858»; «**Балмошь**, и, м. и *ж*. 1. {...} Дурь, блажь, глупость, сумасбродство. Ржев. Твер., 1853. Пск., Осташк. Твер., Холмог. Арх. {...} 2. Самодур, сумасброд. Черепов. Новг., Барнаул.»; «**Балмыш**, а, м. [удар.?]. Шалун. Черепов. Новг., 1904» (заметим частоту череповецких регистраций).

(ii) Нет уверенности, что приведённые графические заголовочные формы — с исходами **-ш**, **-шь**, **-жь** — аккуратно соотнесены с правилами написания шипящих в конце форм именительного единственного в мужском и женском роде (применяемыми в литературном письме). Во всяком случае запись «...шь, и, м.», которая имени в мужском роде рекомендует графический и словоизменительный показатели женского, сильно режет глаз.

Дíдель [?] {...} [СРНГ 8: 53].

Сомнительность этой формы, отнесённой к диалектной фитонимии (‘дудник лесной, из зонтичных’ и ‘щавель воробьиный, из гречишных’), отмечена, вслед за Далем, и в самом анализируемом словаре, но не показан возможный источник неверного чтения. С достаточно высокой надёжностью его можно усматривать в соседней форме 1. **Дíдель**, кото-

рою передаётся около десятка фитонимических значений (далее также *дидельё, дидилёк, дидили́* мн., *диди́лька, диди́льник, дидиля́* — по большей части из зонтичных; далее *дягиль* и проч.). Но если очень легко зрительно смешать некурсивные п е ч а т н ы е литеры л и д (при невозможности их смешения на письме), то какими нерукописными материалами, в которые просочилась такая подмена, мог пользоваться усомнившийся Даль?

Забабáтка, и, жс. Удар по голове. Влад., 1905–1921 [СРНГ 9: 239].

Вероятно ошибочное прочтение *т* на месте более уместного *ш* (*забаба́шка): ср. форму влад. *забаба́ха* ‘затрещина, оплеуха’ (из записей С. П. Мikuцкого) [Там же].

Забабíтка {...} [Там же].

Толкование, место и время записи диалектного слова совершенно совпадают с данными, касающимися предыдущего случая, — «Удар по голове. Влад., 1905–1921». Но сомнений относительно точности воспроизведённой формы ещё больше.

Мам, ы, жс. Мать, мама. *А мам-то хотела прийти, али нет?* Волог., 1902 [СРНГ 17: 53].

Помещение той или иной формы в заголовочную словарную позицию основывается, по принятым лексикографическим условиям, на признании её грамматически самостоятельной единицей. В настоящем случае очевидна (или, мягче, более чем вероятно) синкопическая, то есть чисто речевая природа описываемой заголовочной формы (которую не следует путать с вокативом *Мам!*). Никакой необходимости в её отдельном лексикографическом описании нет. Тем неожиданнее снабжение комментируемой формы парадигматическим ярлычком «(-)ы», место которому — после формы **Мама**, описываемой, естественно, в другой словарной статье. Разумеется, это всего лишь мелкий технологический недосмотр, но в обсуждаемом академическом издании таких небрежностей много.

Мороокенка, и, жс. [удар.?]. Мех темной белки, обработанный под светлый и продаваемый за мех высшего качества. Сиб., Черепанов [СРНГ 18: 274].

Удивительно, что у этой словарной статьи тот же составитель, что и у статьи пятью страницами раньше — **Морóженка** («2. Ж. Шкурка темной

белки, мездра которой выморожена и побелела от мороза; продавалась за белую (высшего качества). Вост.-Сиб., 1854. Енис., Сиб.». В комментарии нет необходимости. Испорченная вокабула *мороекенка* помещена и в [Инверсионный индекс 2000: 34].

1. Мык, а и у, м. [Знач.?] *Его водка сгубила. Он с водки такой: валерьянку пил, идикалон, слабительно. Такой мык хватил — удержаться нельзя.* Кот. Том., Краснояр., Браславец, 1959 [СРНГ 19: 51].

Более чем вероятно, что ошибочно прочитана запись отглагольной формы **глык* ‘глоток, порция выпитого’. Ср. *глыкать* ‘пить что-либо, громко глотая’: *Не глыкай, пьяница така* [СРНГ 6: 225] (только уральская регистрация, но глагол известен гораздо шире, см., например, *Словарь донского казачества*: 108; *Словарь семейских*: 99; Журавлёв 2004: 387).

Пёрвот. Пёрвот день. Первый день. *Первот день гуляли у них на Сосновце, на завтра из своей деревни всех сам собирал.* Красновишер. Перм., 1968 [СРНГ 26: 13].

Нераспознанная постпозитивная частица (или «псевдоартиклъ», см. [Касаткина 2008: 28]) *-от* (*/-то, -те* и проч.), будучи предметом морфологии и синтаксиса, здесь трактована как словообразовательная морфема. Тем самым порождена фантомная лексическая единица (нереальность которой сказывается в отсутствии при заголовке каких-либо грамматических характеристик, предусмотренных устройством словарной статьи).

Поросятёнок, м. Поросенок. *Бабушка Акусья несла.. стегно поросятенка* (приговор). Астрах., Зеленин [СРНГ 30: 80].

В заголовке не **поросятёнок* ли всё же? Реконструкция формы именительного падежа осторожна, но взятая орфограмма (*ё* с обозначением подударности звука) искажает реальную фонетику слова.

Прыгута, м. и жс. Прыгун, плясун; то же, что прыгуха. Пск., Твер. Даль [СРНГ 33: 71].

В словаре Даля, на который сослался составитель статьи, такого слова нет. Несомненно, ошибочно прочитана ручная выписка *прыгуша* (см. [Даль, III: 1389]).

Смитнйк, м. Смешанный лес. Пинеж. Арх., 1959 [СРНГ 39: 21].

С немалой вероятностью можно думать, что за рукописную букву **т** принята реальная **ш**. Ср. арханг. (верхнетоемск., пинеж.) *смеши́ник* ‘смешанный лес’ [СРНГ 39: 13]. Однако смущает неединичность регистраций (или графических воспроизведений) форм(ы) с этимологически не оправдываемым знаком **т**: *сме́тні́к* — ‘с**м**ешанный лес’, ‘дрова из **с**ме**ш**анных пород деревьев’, ‘с**м**есь разных ягод, грибов и т. п.’ [СРНГ 38: 371] (в эту статью по ошибке включено и *сме́тник* ‘место для сора, отбросов’ — к **-mĕtati*).

Литература

- Аникин 2000 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новосибирск, 2000.
- Анненков 1878 — Н. Анненков. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Новое исправленное, пополненное и расширенное издание. СПб., 1878.
- Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Т. 1—.
- Борисова 2004–2005 — О. Г. Борисова. Словарь кубанских говоров: проект. Материалы к словарю. Краснодар, 2004–2005.
- Брянский словарь — Брянский областной словарь. Изд. второе, испр. и доп. Брянск, 2011.
- Даль₂ — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV.
- Даль₃ — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909. Т. I–IV.
- Добровольский — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Журавлёв 1982 — А. Ф. Журавлёв. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–109.
- Журавлёв 1995–2023 — А. Ф. Журавлёв. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, *А–З* // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. [Исследования по славянской диалектологии. 4.] М., 1995. С. 183–193; 2. СРНГ, *И–К* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 93–104; 3. СРНГ, *Л–М* // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В. М. Мокиенко). СПб., 2000. С. 265–282; 4. СРНГ, *Н–О* // Исследования по славянской диалектологии. М., 2001. [Вып.] 7. Славянская диалектная лексика и лингвogeография. С. 265–281; 5. СРНГ, *О–П* // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 382–389; 6. Словарь русских народных говоров, *П* // Известия Уральского

- государственного университета. 20. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. С. 172–178; 7. СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. [Вып.] 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. С. 120–131; 8. СРНГ, П // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2014. [Вып.] III. Диалектология. С. 168–187; 9. СРНГ, Р // *Palaeoslavica*. 2012. Vol. XX. N 1. P. 261–276; 10. СРНГ, Б–Р (дополнение к предыдущему) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2017. [Вып.] XII. Диалектология. С. 159–175; 11. СРНГ, С // *Palaeoslavica*. 2019. Vol. XXVII. N 1. P. 241–260; 12. СРНГ, С // *Palaeoslavica*. 2022. Vol. XXX. N 1/2. P. 66–83; 13. СРНГ, Б–П (дополнения) // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. М., 2023. С. 123–135; 14. СРНГ, С [в печати].
- Журавлёв 2004 — А. Ф. Журавлёв. Материалы к жиздринскому словарю // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2004. Т. II (VIII). С. 378–429.
- Журавлёв 2016 — А. Ф. Журавлёв. Новый: от местоимения к местоимению // А. Ф. Журавлёв. Эволюции смыслов. М., 2016. С. 183–191.
- Зализняк — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
- Инверсионный индекс 2000 — Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров / сост. Ф. П. Сороколетов, Р. В. Одеков. СПб., 2000.
- Касаткина 2008 — Р. Ф. Касаткина. Ещё раз о статусе изменяемой частицы *-то* в севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. М., 2008. [Вып.] 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). С. 18–30.
- Куликовский — Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Миртов — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков [Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Н.-И. институт изучения местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. Вып. 6]. Ростов-на-Дону, 1929.
- Новосибирский словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Подвысоцкий 2009 — А. О. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2009.
- Преображенский, 1853 — А. Преображенский. Приход Станиловский на Сити Ярославской губернии Моложского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1853. Вып. 1. С. 125–173.
- Рамстедт 1957 — Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.
- Словарь донского казачества — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

- Словарь Приамурья — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Словарь семейских — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Словарь Среднего Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1988. Т. I–VII.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1966. Т. 1, 2; Л., СПб., 1968–. Т. 3–.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Karłowicz — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. I–VI.
- Warsz. — J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1952. Т. I–VIII. [Wydanie fotooffsetowe.]

Summary

*Anatoly F. Zhuravlev
(Moscow)*

Lexicographic phantoms. 15. СРНГ, Т

The proposed series of notes on dubious, from the author's point of view, header forms (usually hapax) in the consolidated dialect dictionary of the Russian language is a continuation of previous publications on the same topic, where the nature of observations and put forward interpretations is explained.

Keywords: dialect lexicography, consolidated dialect dictionary of the Russian language, hapax